

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ДИДАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА В
ЕВРАЗИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

УДК 81.25.34

Азизова А.А.

*Научный руководитель: Олейник Э.Е.
кандидат педагогических наук, доцент*

Москва, Российская Федерация
АНО ВО «Московский Международный Университет»

biiteotb@mail.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ И ПРАВОВАЯ
КОРРЕКТНОСТЬ В ЮРИДИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ

***Аннотация.** В статье исследуется юридический перевод как междисциплинарный процесс, требующий точности и понимания правовых систем и культур. Анализируются проблемы терминологии, синтаксиса и эквивалентов. Предлагаются стратегии: глоссарии, консультации, CAT-инструменты. Подчеркивается важность точности для минимизации юридических рисков.*

Ключевые слова: юридический перевод; лингвистическая эквивалентность; правовая корректность; терминология; культурный контекст.

Azizova A.A.

*Scientific Supervisor: Oleynik E.E.
PhD in Pedagogy, Associate Professor*

Moscow, Russian Federation
Moscow International University

biiteotb@mail.ru

LINGUISTIC EQUIVALENCE AND LEGAL ACCURACY IN LEGAL
TRANSLATION

Abstract. *The article examines legal translation as an interdisciplinary process requiring precision and understanding of legal systems and cultures. It analyzes terminology, syntax, and equivalence challenges, proposing strategic solutions including glossaries, expert consultations, and CAT tools. The study emphasizes translation accuracy as crucial for minimizing legal risks in cross-jurisdictional communication.*

Keywords: *legal translation, linguistic equivalence, legal accuracy, terminology, cultural context.*

Юридический перевод представляет собой сложный междисциплинарный процесс, требующий не только высокой лингвистической точности, но и глубокого понимания правовых систем и культурных особенностей. В глобальном бизнес-контексте, где контракты, законы и патенты должны сохранять юридическую силу и быть правильно интерпретированы в разных юрисдикциях, его роль становится критически важной. Показательный пример, подчеркивающий потенциальные риски неточностей: в 2011 году ратификация Соглашения о свободной торговле между Южной Кореей и Европейским Союзом была отложена из-за обнаружения 207 ошибок перевода в юридическом тексте [The Chosun Ilbo 2011].

Эффективность юридического перевода опирается на два основных принципа: лингвистическую эквивалентность — точную передачу смысла и направленность оригинального текста на целевой язык и правовую корректность — соответствие нормам и терминологии правовой системы [Alcaraz, Hughes 2002]. Эти аспекты составляют теоретическую основу процесса, помогая преодолевать вызовы, связанные с различиями в правовых традициях и культурных контекстах.

Лингвистическая эквивалентность является центральным понятием в теории перевода и играет ключевую роль в юридическом переводе. Она подразумевает создание текста на целевом языке, который передает тот же потенциал значения и юридический эффект, что и исходный текст [Baker 1992]. В контексте юридического перевода это означает, что переведенный

текст должен сохранять не только буквальный смысл оригинала, но и его юридическую силу и намерение [Sarcevic 1997]. Однако достижение лингвистической эквивалентности осложняется структурными различиями между правовыми системами. Так, термины и концепции, которые являются фундаментальными в одной юрисдикции, могут не иметь прямых аналогов в другой [Galdia 2021]. Это требует от переводчиков использования функциональных эквивалентов или адаптации текста к целевой правовой системе.

Правовая корректность дополняет лингвистическую эквивалентность и обеспечивает то, что переведенный текст не только лингвистически точен, но и юридически действителен в целевой юрисдикции. Это включает предоставление переводов, которые являются явными, обширными и точными, адаптированными к пониманию целевой аудитории в рамках их правовой системы [Galdia 2021]. Переводчики должны быть осторожны при обращении с неоднозначностями и расплывчатостью в оригинальном тексте, поскольку эти элементы могут отражать законодательное намерение. Устранение таких неопределенностей может неявно изменить нормативное содержание текста [Сао 2007].

Специализированная терминология представляет собой одно из главных испытаний в юридическом переводе из-за отсутствия прямых эквивалентов и наличия так называемых «ложных друзей» — слов и выражений, сходных по написанию или звучанию в исходном и целевом языках, но отличающихся по юридическому значению. Игнорирование этих различий может привести к серьезным ошибкам в интерпретации текста. Так, английское *arbitration* означает ‘частное третейское разбирательство’, тогда как в русском языке *арбитраж* относится к государственному арбитражному суду, рассматривающему коммерческие споры [Sarcevic 1997]. Неверный перевод может ввести стороны в заблуждение относительно характера судебной процедуры, особенно если одна из них

ожидает негосударственное разбирательство. Слово *act* в английском языке также многозначно: оно может обозначать ‘закон’ (например, *Civil Rights Act*), ‘официальный акт (документ)’ или просто ‘действие’. Неправильная трактовка может изменить юридический смысл целого документа. Аналогичные вызовы возникают в китайской правовой системе, где слово 合同 переводится как ‘контракт’ или ‘договор’, но в китайском праве оно может включать и устные соглашения, что шире западного понимания *contract* как письменного документа. Без учета контекста перевод может ввести в заблуждение [Матвеева 2016].

Дополнительную сложность создают правовые концепции, существующие только в рамках определенных систем и не имеющие эквивалентов в других. Такие термины требуют описательных переводов, которые, однако, не всегда способны отразить все юридические нюансы оригинала. Например, *trust* ‘институт доверительной собственности, характерный для системы Common Law’ не имеет точного аналога в романо-германской традиции. Обычно его переводят как ‘доверительное управление имуществом’, что лишь частично отражает его правовую природу [Гумарова 2018]. В свою очередь, российская *прокуратура* выполняет надзорные функции, в то время как в англоязычных странах аналогичные органы, такие как *Public Prosecutor’s Office*, сосредоточены на уголовном преследовании. Китайская концепция «人民调解», или «народное примирение», — это уникальная система досудебного урегулирования споров на уровне местных сообществ. В отличие от западной медиации, которая обычно проводится профессионалами, «народное примирение» опирается на культурные традиции.

Эти терминологические и концептуальные различия становятся особенно актуальными в контексте различий между правовыми системами Common Law и Civil Law, поскольку требуют адаптации понятий и институтов к целевой системе. В Common Law важным элементом

договоров является *consideration* ('встречное удовлетворение'), отсутствующее в Civil Law. Это требует от переводчика описательных замен, например, 'взаимные юридически значимые обязательства', что не всегда передает точный смысл [Sarcevic 1997]. Common Law опирается на судебные прецеденты, тогда как Civil Law базируется на кодифицированных нормах. Перевод прецедентов требует сохранения логики аргументации, даже если она непривычна для целевой системы. Так, при переводе французского Code Civil термины типа *tort* вызывают трудности, поскольку регулируются прецедентным правом, а не кодексом. Исторический институт Court of Equity, ныне интегрированный в систему общего права, требует пояснений при переводе. Аналогично, российский *арбитражный суд* часто неверно переводится как *Arbitration Court*, хотя по функциям ближе к британскому *Commercial Court*.

В китайском праве термин 法律 переводится как 'закон', но его значение шире, чем в западных системах. В Китае 法律 может обозначать как законодательные акты, принятые Национальным народным конгрессом, так и подзаконные акты, вроде административных регламентов. Переводчику важно уточнить контекст, чтобы выбрать подходящий эквивалент — например, *national law* или *regulation*.

Юридические тексты, особенно законодательные акты и международные договоры, отличаются синтаксической громоздкостью, которая становится серьезным препятствием для переводчика. Длинные предложения, насыщенные придаточными конструкциями, перечислениями и уточнениями, — это не стилистический выбор, а необходимость. Они призваны минимизировать двусмысленность, охватив все возможные трактовки нормы. Однако такая структура, эффективная в оригинале, при переводе может привести к смысловым потерям или логическим разрывам.

Например, в регламентах Европейского Союза нередко встречаются предложения, состоящие из 150-200 слов, где условия, исключения и

отсылки к другим статьям переплетаются в единый абзац. Переводчик вынужден балансировать между дословным воспроизведением структуры и адаптацией для сохранения читабельности на целевом языке [Власов 2019].

Особую сложность представляют конструкции с двойным отрицанием или условными предложениями, характерные для англоязычных контрактов. Фраза вроде «*Notwithstanding anything to the contrary herein, no party shall be liable unless...*» требует не только грамматически точного перевода, но и сохранения логической иерархии условий. В русском языке подобные конструкции часто распадаются на несколько предложений, что увеличивает риск искажения связей между элементами.

Пунктуация в юридических текстах также несет смысловую нагрузку. Исторически значимый пример — случай с Таможенным актом США 1870 года, при пересмотре которого была случайно добавлена запятая во фразе «*fruit plants tropical*», что привело к неверному истолкованию текста и большим потерям для бюджета США. Работая с такими текстами, переводчик должен учитывать не только правила целевого языка, но и прецеденты их толкования для сохранения точности и ясности.

Учитывая вышеперечисленные сложности, переводчики прибегают к ряду профессиональных методов и стратегий, направленных на обеспечение юридической корректности, стилистической точности и функциональной эквивалентности перевода.

Одним из базовых инструментов является использование специализированных терминологических глоссариев и баз данных. Такие ресурсы позволяют поддерживать единообразие терминов и минимизировать ошибки, особенно при работе с труднопереводимыми понятиями [Борисенко 2015].

Сертификация и аккредитация переводчиков играют ключевую роль в обеспечении качества. Профессиональные юридические переводчики обладают не только языковой, но и правовой компетенцией, что

подтверждается специализированным образованием, стажем и соблюдением стандартов, таких как ISO 17100:2015. Эти стандарты определяют требования к квалификации специалистов, процессам рецензирования, использованию глоссариев и средств контроля качества.

Высокоточные переводы требуют многоуровневой системы контроля. Ключевые этапы включают юридическую верификацию, лингвистический аудит и, при необходимости, обратный перевод. Такие меры позволяют выявить возможные искажения и гарантировать соответствие перевода как лексическим, так и юридическим нормам. В международной практике, например в ЕС или ООН, применяется принцип перекрестной проверки: переводы сопоставляются между разными языками, чтобы избежать расхождений в трактовке понятий.

Не менее важным фактором является культурная и контекстуальная осведомленность. Понимание правовых традиций, бизнес-практик и социокультурных норм обеих стран помогает передать не только текст, но и его прагматическое значение [Харитоновна 2020]. Это особенно актуально при работе с договорами, завещаниями или международными соглашениями, где даже незначительные нюансы могут повлиять на юридический эффект перевода [Poop 2005].

Современные технологии, включая CAT-инструменты (Trados, MemoQ) и системы перевода с памятью (Translation Memory), позволяют ускорить процесс и сохранить терминологическую целостность в рамках одного проекта. Однако автоматизированный перевод требует осторожности: юридические термины часто имеют узкий контекст, а алгоритмы не всегда способны учесть прагматику и функциональные особенности права. Поэтому такие инструменты должны использоваться как вспомогательные, а не заменяющие профессиональный подход. Примером успешной стратегии служит практика Европейской комиссии по переводу юридических актов Европейского Союза на все официальные

языки. В частности, для Директивы GDPR была создана централизованная терминологическая база IATE (Interactive Terminology for Europe), обеспечившая единообразное использование ключевых правовых понятий, таких как «data controller», «processing» и «consent». Благодаря этому переводчики могли сохранять терминологическую согласованность в различных языковых версиях документа, что значительно повысило юридическую точность и сопоставимость текстов на всех языках ЕС.

Хрестоматийным примером влияния незначительной, на первый взгляд, ошибки перевода на бизнес-результат стал инцидент с компанией Mattel в 2007 году. В контракте с китайским поставщиком, составленном на английском и переведенном на китайский язык, ключевая фраза о необходимости соблюдения стандартов безопасности США была смягчена выражением «по возможности». Эта лингвистическая неточность изменила смысл обязательства, что дало поставщику основание оспаривать свою ответственность после масштабного отзыва продукции из-за содержания свинца в краске. Хотя американский суд в итоге признал приоритет английской версии контракта, к тому моменту компания уже понесла значительные убытки и репутационные потери.

Таким образом, юридический перевод представляет собой сложный и многогранный междисциплинарный процесс, в котором пересекаются лингвистическая точность, глубокое понимание правовых систем и культурная компетентность. Эти элементы в совокупности обеспечивают эффективность международных коммуникаций, будь то в рамках делового сотрудничества, судебных разбирательств или заключения трансграничных соглашений. Важность этого процесса трудно переоценить, поскольку любые ошибки или неточности в переводе юридических текстов могут привести к серьезным последствиям: от возникновения юридических споров и финансовых убытков до утраты доверия между сторонами и даже срыва важных сделок.

Список использованной литературы:

1. Борисенко А.Л. Юридический перевод: теория и практика. М.: Юрайт, 2015. 350 с.
2. Власов А.А. Лингвистические особенности перевода международных договоров: английский и русский языки // Филологические науки. 2019. №5. С. 112–120.
3. Гумарова А.Н. Проблемы перевода юридических текстов с английского языка на русский: лингвистический и правовой аспекты // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. №2(32). С. 45–52.
4. Матвеева Н.В. Терминологическая эквивалентность в переводе правовых текстов: английский и русский языки. М.: Издательство МГУ, 2016. 220 с.
5. Харитонов Е.В. Культурный контекст в юридическом переводе: проблемы и решения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2020. №3(845). С. 78–89.
6. Alcaraz E., Hughes B. Legal Translation Explained. London: Routledge, 2002. 256 p.
7. Baker M. In Other Words: A Coursebook on Translation. London: Routledge, 1992. 304 p.
8. Cao D. Translating Law. Clevedon: Multilingual Matters, 2007. 200 p.
9. Galdia M. Legal Translation Versus Legal Interpretation: A Legal-Theoretical Perspective // International Journal for the Semiotics of Law. 2021. Vol. 35. P. 1671–1687.
10. Poon W.Y. The Cultural Transfer in Legal Translation // International Journal for the Semiotics of Law. 2005. Vol. 18. P. 307–323.
11. Sarcevic S. New Approach to Legal Translation. The Hague: Kluwer Law International, 1997. 328 p.

12. Huge Number of Translation Errors Found in Korea-EU FTA [Электронный ресурс] // The Chosun Ilbo. 2011. URL: <https://www.chosun.com/english/national/en/2011/04/05/OQTN47AUycvJQLY2N74VDVATLE/> (дата обращения: 08.04.2025).

УДК 81'243

Кожевникова Е.М.,

Олейник Э.Е.

кандидат педагогических наук, доцент

Москва, Российская Федерация

АНО ВО «Московский Международный Университет»

lizakoj04@gmail.com

**ПРОМПТ-ИНЖИНИРИНГ СОЗДАНИЯ УСЛОВНО-
КОММУНИКАТИВНЫХ ЗАДАНИЙ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ БУДУЩЕГО
ЛИНГВИСТА-ПЕРЕВОДЧИКА**

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ переводов англоязычного текста, выполненных различными моделями ИИ, которым был задан одинаковый промпт. Полученные результаты позволяют определить потенциал промпт-инжиниринга для создания разнообразных учебных задач. Выводы, представленные в исследовании, могут быть полезны для подготовки будущих лингвистов-переводчиков.

Ключевые слова: промпт-инжиниринг, ИИ, перевод, лингвист-переводчик, учебные задачи.

Kozhevnikova E.M.,

Oleynik E.E.

PhD in Pedagogy, Associate Professor

Moscow, Russian Federation

Moscow International University

lizakoj04@gmail.com

**PROMPT ENGINEERING FOR DEVELOPING SEMI-COMMUNICATIVE
TASKS IN TRAINING FUTURE LINGUIST-TRANSLATORS**